

АЛЕКСАНДРОВА

НАТАЛЯ

РУССКИЙ
ХИТ

Смерть на подиуме

Наталья Александрова

Смерть на подиуме

«Автор»

2008

Александрова Н. Н.

Смерть на подиуме / Н. Н. Александрова — «Автор», 2008

Модели из престижного агентства гибнут одна за другой. Работа маньяка? Месть конкурентов? Милиция строит версию за версией, но все они рассыпаются в прах. Одна из самых перспективных девушек агентства, юная Тина, имеет все основания полагать, что таинственный «убийца моделей» ведет с ней какую-то загадочную игру, – ведь после каждого преступления она получает «подарок» – магическую куколку, в точности похожую на жертву. Но чего же добивается убийца? В отчаянии Тина решает начать собственное расследование...

© Александрова Н. Н., 2008

© Автор, 2008

Наталья Александрова

Смерть на подиуме

– Какая сволочь взяла мою щетку для волос?!

Нежное, фарфоровой белизны лицо Алисы Липецкой покрылось красными пятнами и стало некрасивым, отталкивающим.

– Я знаю, чьих это рук дело! – вопила Алиса, в одном лифчике расхаживая по гримерке. – Я уже предупреждала эту маринованную селедку, что если еще раз...

– Да нужна мне твоя щетка! – огрызнулась Диана Маранова, поправив темный локон. – Я бы к ней в жизни не прикоснулась! У тебя же перхоть! Думаешь, я хочу ее подцепить?

– Что?! – Кукольное личико Алисы перекошилось. – А у тебя понос! Ты вечно из сортира не вылезаеть!

– А я после какой-то сволочи надевала зеленое платье от Ахмадулиной и теперь вся чешусь! – вклинилась в разговор рыжеволосая Лена Сумягина. – Узнаю, кто его надевал, все волосы выдеру!

– Дешевой косметикой пользоваться не надо, вот и не будешь чесаться! – поставила ее на место Алиса.

– Алисочка у нас сегодня в ударе, – процедила Диана. – Не иначе отхватила тот мифический выгодный контракт, о котором в последнее время так многозначительно молчала!

– Какой контракт? – Сумягина наострила уши.

– Заткнись! – взвизгнула Алиса и запустила в Диану феном, та едва успела увернуться.

– Ты что, сдурела? – Диана ошеломленно потирала плечо. – Ведь по лицу могла попасть, перед показом-то...

– Нет, что за контракт, Алисочка? – Лена подошла ближе. – Расскажи!

– Ты тоже заткнись, дура! – прошипела Алиса.

– Да нет у нее ничего, все врет про контракт! – крикнула Диана, отойдя подальше.

– Девочки, девочки, не ссорьтесь! – жеманно растягивая слова, проговорил визажист Сержик, без стука входя в раздевалку. – Ну, кому личико подправить?

– Стучаться надо! – по инерции прошипела Алиса.

– Ну мне-то можно... – скромно потупился Сержик. – Мы же с вами старые подружки!.. Шикарное бельишко, Алисочка! Дай поносить! Такой гламурный цвет...

– Отстань! – Алиса раздраженно дернула плечом и бросила на него злой взгляд.

– Сержик, я первая! – кинулась к нему Диана.

– С какого это перепугу? – снова окрысилась Алиса. – Только после меня!

– С такого, что мне выходить первой!

– Все равно ты сейчас в сортир побежишь! – процедила Алиса сквозь зубы.

Диана резко побледнела и бросилась к двери.

– Что я говорила? – мстительно бросила Алиса ей в спину. – Так и просидишь там до конца показа!

Тина молча посторонилась, чтобы не столкнуться в дверях с Дианой. Дианка может и с ног сбить, ишь какую скорость развила, а у нее, Тины, совершенно нет сил, и так едва на ногах держится. С утра жуткая слабость, насморк и голова буквально раскалывается. Еще бы, вчера простояла полтора часа под включенным вентилятором почти в голом виде! В самом деле, нельзя же считать одеждой две розовые полосочки бикини, что были на ней.

«Эль» проводил фотосессию купальников фирмы «Шанталь», и Тине, единственной из всего их агентства, удалось пройти кастинг. Заплатят хорошо, но дело не только в этом, главное – престиж. Несколько таких удач – и ее запомнят, внесут в специальную картотеку и будут приглашать лично, а не через агентство. Можно будет вообще уйти... Но такое пока только в

несбыточных мечтах, а наяву – красный нос, ломота в висках и туман перед глазами от температуры. Пожалуй, по ощущениям не меньше тридцати девяти.

Кто выдумал, что рекламировать купальники нужно обязательно с развевающимися волосами? Черт бы побрал этот морской бриз!

Тина не удержалась и громко чихнула.

– Дорогая! – Сержик оторвался от Алисы и озабоченно взглянул ей в лицо. – Ты неважно выглядишь!

– Как всегда, – процедила Алиса, не разжимая губ – Сержик очень не любил, когда разговаривают во время его работы.

Тина и сама знала, что выглядит неважно, поэтому улыбнулась Сержику как можно приветливее, только на него была вся надежда. Очевидно, улыбка получилась жалкой, не улыбка, а страдальческая гримаса, потому что голубые глаза Алисы потемнели от неприкрытого злорадства. В который раз Тина спросила себя: за что Алиска так ее ненавидит? Впрочем, в этот раз было за что – ведь Тина попала на вчерашнюю фотосессию, а Алиса не сумела пройти кастинг. Ну и что, другие девушки восприняли все как надо: не прошли – и ладно, в следующий раз больше повезет. Если все принимать близко к сердцу, заболеть можно, хуже того – цвет лица испортится...

Тина прошла к зеркалу и бессильно опустилась на стул. Пока снимала джемпер и закалывала волосы, пришлось два раза отдыхать. Руки отказывались повиноваться. Сержик поглядывал на нее с тревогой, Алиса – с некоторым злорадным удовлетворением, остальные были заняты собственными делами. Вернулась Диана и тут же заорала на Алису:

– Я же первая иду, а ты расселась тут, как курица на насесте! Долго будешь морду штукатурить? Выметайся!

– И не подумаю! – огрызнулась Алиса. – Нечего в сортире по два часа сидеть!

У Дианки жуткий дисбактериоз от бесчисленных диет, ей нужно лечебное питание, а не только яблоки и зеленый салат без масла. Но от геркулесовой каши развезет за месяц на два размера. Впрочем, сегодня чужие проблемы Тину мало интересовали.

– Девочки, – заговорил Сержик, – что-то вы сегодня слишком агрессивны, этак мы далеко не уедем! Уймись!

– Что, опять ссора? – послышался грозный голос Эльзы, и все мигом притихли.

Эльза Михайловна, бессменный менеджер агентства – это по должности, а по сути – самое главное лицо, потому что директора девушки видят крайне редко, только по самым торжественным случаям. Директор, он же владелец, – вальяжный молчаливый мужчина лет пятидесяти, очень богатый. Он купил агентство несколько лет назад и полностью положился на Эльзу.

– Так что я вам и мать, и отец, и все родственники, – заявляет Эльза при каждом удобном случае, такая уж у нее поговорка.

– Если бы эта сволочь была моей матерью, – сказала как-то Алиса, – я бы в младенчестве удавилась подушкой.

В тот раз Тина не могла с ней не согласиться. Эльза действительно жуткая сволочь, в ней нет ничего человеческого. Может выгнать провинившуюся девушку буквально на улицу, да еще и не поленится позвонить в другие модельные агентства и предупредить, чтобы несчастную никуда не брали. В прошлом году Милка Сорокина летала к больной матери в Иркутск. Самолет, естественно, опоздал, что-то там случилось, Милка проторчала полночи в аэропорту и не явилась на важный показ. Разумеется, Эльза нашла ей замену; как назло все свои были заняты, и Эльзе пришлось побираться по другим агентствам. А ей это – нож острый, поскольку при таком характере она со всеми коллегами в отвратительных отношениях.

Милка показывала ей справку из аэропорта, Эльза и бровью не повела и наговорила Милке такого, что та не выдержала и ответила. После чего песенка ее была спета, она нигде не

смогла найти никакой работы. Эльза пустила слух по городу, что Милка – ВИЧ-инфицированная наркоманка, и люди стали от Милки шарахаться. Деньги быстро кончились, а ведь нужно было еще посылать матери в Иркутск. Пришлось Милке уезжать домой, на работе можно было поставить крест. На вокзале она сказала провожающей Тине, что жалеет только об одном: не хватило смелости придушить Эльзу прямо в кабинете.

Стилист Серж прозвал менеджера Эльзой Кох и объяснил непосвященным, что это имя нацистского врача, которая угробила в концлагере несколько тысяч людей – заражала неизлечимыми болезнями, ампутировала конечности без наркоза, просто пытала, травила собаками. Тина что-то помнила из рассказов дяди Бо, связанное с Эльзой Кох, – абажур из человеческой кожи и тому подобное.

Эльза Михайловна была чем-то похожа на арийку – рослая бесцветная блондинка, взгляд колючий, как металл на морозе, так что кличка прилипла намертво.

– Маранова, ты еще не готова? – Эльза замахнулась на Диану вешалкой. – Ты что себе думаешь? Тебе же первой на выход!

Тина представила Эльзу в черной эсэсовской форме с хлыстом. Смотрелось очень натурально. Она поскорее наклонила голову, чтобы Эльза не заметила ее красного носа.

Алиса встала с кресла и улыбнулась Эльзе. Она-то была полностью готова – глаза сияли темно-голубым светом, фарфорово-белая кожа матово светилась. Сержик – мастер своего дела, это признает даже Эльза. Однако благосклонности от Эльзы не дождешься.

– Что-то ты, Липецкая, вроде бы в боках округлилась. – Она брезгливо ткнула Алису пальцем в живот.

Алиса отшатнулась, и в глазах ее заплескался панический страх. Они все ужасно боятся прибавить в весе. Эльзе весы не нужны, у нее в этом отношении глаз алмаз, до грамма высчитает. Девчонки вечно сидят на зверской диете, а потом болеют. Ногти слоятся, волосы становятся тусклыми и ломкими, сильно лезут. Это внешние проявления. А врачи пугают анорексией – это когда организм вообще отвыкает есть и можно умереть от истощения или же, наоборот, обмен веществ полностью нарушается и есть хочется всегда, даже после сытного обеда. Тине в этом отношении повезло – не то чтобы она могла есть что хочет и оставаться худой, такого не бывает. Просто организм ее так устроен, что к еде она почти равнодушна. У Алисы же аппетит всегда отменный, ей приходится себя сдерживать. Иногда сила воли отказывает, и она ест недозволенное. Но про это знает одна Тина, она как-то совершенно случайно видела, как Алиска ест... страшно даже подумать – гамбургер! Может быть, поэтому Алиса ее так ненавидит?

– Да-а... – протянула Эльза, – с такими бедрами у нас не дефиле, а кабаре получится...

Алиса беспомощно оглянулась по сторонам, но все, кроме Сержика и Тины, угодливо рассмеялись начальственной шутке.

Сержик цыкнул на Диану, чтобы не дергалась под его руками, и сделал вид, что полностью поглощен работой. Эльза обвела всех присутствующих придирчивым взглядом и заметила Тину.

– Муромцева, что у тебя с лицом? Ты что, сутки на морозе часовым стояла? Или ночами сталеваром подрабатываешь?

Очень остроумно, ведь прекрасно знает, что Тина вчера была на фотосессии! От Эльзы ничего не скроешь, она все в памяти держит.

– Я простудилась, – прохрипела Тина.

– Одеваться надо теплее! Ты мне всех тут перезаражаешь!

Угу, как интересно можно рекламировать купальник в шубе и валенках?

– Имейте в виду! – гремела Эльза. – Больничный – это не про вас! Тут не курорт, а модельное агентство! На швейную фабрику поступите – там на больничном будете сидеть!

Можно подумать, что девушки сами не понимают. Весной Соня Иванова наступила на длинное платье, зацепилась каблуком и сломала ногу. Очень неудачно – тяжелый перелом в двух местах. Агентство оплатило операцию только потому, что все случилось на показе и про перелом пронюхали журналисты. Эльза шипела, как пойманная кобра, и уволила Соню, как только та выписалась из больницы. Нога срасталась долго, Сонька за два месяца здорово прибавила в весе, потому что врачи строго-настрого велели забыть про диету – иначе вообще можно без ноги остаться. В общем, карьера закончена, теперь уже Соне не пробиться, даже если нога полностью заживет.

Так что все прекрасно понимают, что их ждет в случае болезни.

– Сергей, сделай что-нибудь с ней! – приказала Эльза, не глядя на Сержа. – А то не лицо, а кусок сырого мяса!

Разумеется, Эльза преувеличивает, вид у Тины, конечно, не очень, но все не так ужасно.

– Слушаюсь, мадам! – Серж поклонился и подмигнул Тине.

Эльза уставилась на него, стараясь разглядеть насмешку, но глаза у Сержа были покрыты томной поволокой, как будто перед ним стояла не Эльза по прозвищу Кох, а молодой накачанный красавец. Эльза отвела глаза и пробормотала себе под нос что-то нелестное, она никогда не позволяла себе оскорблять Сержа вслух. Серж и вправду был мастером своего дела, это признавала даже она. Такие специалисты на дороге не валяются, Серж мигом найдет новую работу.

Эльза по-военному крутанулась на каблуках и вышла. Через минуту ее громкий голос раздался за стенкой – она распекала Татьяну, ответственную за платья.

Тина села на место Дианы и зажала нос салфеткой, чтобы не чихнуть слишком громко. Услышала одна Алиса, оглянулась, снова посмотрела на Тину с явно выраженным злорадством. Тина мысленно пожала плечами – ну попало ей от Эльзы, так будто бы в первый раз... Стоило ли внимание обращать...

– Да, детка, сегодня мы не в форме... – Серж огорченно поцокал языком, разглядывая ее, но Тина только махнула рукой, ей внезапно стало совсем плохо.

Обычной модели вовсе не требуется обладать красивым лицом – лишь бы черты были более-менее правильные и нос не был слишком курносый и не загибался вперед как у Бабы-яги. Действительно необходимы высокий рост, длинные, по возможности, стройные ноги, красивая походка, а самое главное – удобка. Потому что только на очень худой и высокой женщине дизайнерская одежда смотрится безупречно, как на вешалке. Их так все и называют – вешалками.

У Тины же, кроме всего перечисленного, были еще удивительные зеленые, широко расставленные глаза, причудливо вырезанные природой губы и замечательная кожа. Абсолютно гладкая, цвета старой слоновой кости. Лицо было удивительно ровного цвета – ни пигментных пятнышек, ни теней под глазами, ни румянца. Серж абсолютно серьезно утверждал, что он влюблен в Тинину кожу, и умолял не посещать солярий и вообще поменьше бывать на солнце – дескать, этот оттенок, данный природой, легко потерять.

Обычно Серж не тратил на Тину много времени – поярче подвести глаза, немного подчеркнуть скулы, показать рисунок губ, убрать блеск, хотя кожа и так матовая. Но сегодня ему пришлось потрудиться. Глаза припухли и покраснели, про нос лучше вообще не думать... Серж только вздыхал.

Закончив, он достал из кармана пузырек.

– Капни в нос по две капли, – шепнул он, – только аккуратно и чтобы никто не видел, а то сама знаешь...

Эльза Михайловна очень строго относилась к наркотикам, сразу предупреждала, что если заметит что-то на работе, то увольняет тут же, на месте, никакие связи и жалобы не помогут. Это не было голословное утверждение, девушки уставали на показах безумно, а если

еще сниматься в рекламных роликах или фильмах, то времени на отдых совершенно не остается. Съёмки в основном проходят по ночам, потому что в это время суток аренда помещений дешевле. Тине и самой случалось являться на показ, падая от усталости. Она засыпала в машине, в раздевалке и даже под руками у Сержа. Некоторые не выдерживали такого темпа и пытались взбодриться сначала легким наркотиком, потом требовалось все большая доза, потом с легких наркотиков переходили на что-то более серьезное, а после карьера летела к черту, потому что рано или поздно все тайное становилось явным.

Эльза в этом отношении была тверда, как гранитная скала.

– Вот когда вы овладеете своей профессией настолько, чтобы достичь успеха, можете идти на все четыре стороны и зарабатывать самостоятельно. Разбогатеете, наймете своего агента – и вперед! Флаг в руки, барабан на шею! Тогда можете хоть неделями не слезать с кокоса или с иглы, это уже будут ваши проблемы! А в моем агентстве наркотиков не будет. Если замечу – первое предупреждение и штраф, второго предупреждения не будет, сразу на выход с вещами!

– В общем, «курение – яд, пьянству – бой, и скажи наркотикам – до свидания!» – едва слышно усмехнулась тогда Лиза Кругликова, но Эльза услышала.

У нее не уши, а настоящие локаторы, подводную лодку без приборов обнаружит!

Лизку не оштрафовали, но два месяца держали в стороне от выгодных показов, она перебывала кое-как, всем задолжала. Все-таки Эльза – отвратительная злопамятная личность!

Алиска тогда мечтательно сказала, что хорошо бы переспать с владельцем агентства и уговорить его уволить Эльзу к чертовой матери.

– Куда тебе! – насмешливо заметила Диана. – Уровень не тот!..

– А у тебя? – вскинулась Алиса.

– У меня тоже не тот... – призналась Диана. – Вот разве что у Тинки...

Разговор происходил на открытии шикарного бутика, шампанского и закусок было завалилось и залейся, досталось и им после показа. Последние слова Дианы можно было объяснить только количеством выпитого шампанского. Однако Алиска-то не перебрала и нахмурилась.

– У меня тоже не тот уровень, – поспешно сказала Тина, чтобы не ссориться. – И вообще, дело вовсе не в нас, просто он моделями не интересуется.

– Бери, – настойчиво шептал сейчас Серж, протягивая пузырек, – не бойся, это не то. Это очень хорошее швейцарское лекарство. Бери, а то не выдержишь, упадешь...

Тина боязливо поежилась – что может быть страшнее, чем упасть на подиуме? Но нужно воспользоваться даром Сержа незаметно, потому что кто-нибудь обязательно увидит и донесет Эльзе, а потом Тине не оправдаться.

– Девочки! – Танечка на вытянутых руках внесла ярко-бирюзовое платье. – Где Маранова?

– Я здесь! – Диана рванулась навстречу, зацепилась за ножку стула, но удержалась и не упала.

«Плохая примета», – подумали все, но никто не сказал вслух, даже вредная Алиса. Хотя та куда-то исчезла из комнаты, иначе не удержалась бы. Тина накинула халат и вышла из комнаты. В коридоре она столкнулась с Танечкой, та неслась за следующим платьем. Эльзы не было видно, но слышались чьи-то голоса. Тина скользнула в тупичок в конце коридора и открыла дверь на лестницу. Девчонки, бывало, покуривали там тайком, хотя Эльза этого тоже не одобряла, а пожарный так просто топал ногами и брызгал слюной. Тина прислонилась к холодной стене и капнула по две капли в каждую ноздрю. Постояла немножко, дожидаясь, когда уйдет с утра маячившая перед глазами темная пелена, исчезнет звон в ушах. Через три минуты и вправду стало легче, глазам было не так больно, нос задышал, и, кажется, спала температура. А может быть, жар ушел из-за холодной стены. На лестнице дуло, и Тина подумала, что она спо-

койно может подхватить еще и воспаление легких. Она повернулась неловко, и пузырек выпал из слабых пальцев. Тина нагнулась, а когда подняла голову, то увидела перед собой Алису.

– Так-так, – та насмешливо улыбалась, – наша тихоня, оказывается, тоже балуется кое-чем.

Внезапно на Тину накатила жуткая злость. Все-таки стерва Алиска! Ведь знает же прекрасно, что Тина больна. И вместо сочувствия норовит сделать гадость.

– Ты там под лестницей бутерброд кушала? – вкрадчиво спросила Тина. – Не бойся, я никому не скажу.

Алиса рассмеялась весело и закрыла мобильный телефон. Потом посмотрела на Тину со смесью злорадства и превосходства. Посмотрела свысока, хотя они были одного роста.

– Дай пройти, убогая, – сказала Алиса, став серьезной, – меня работа ждет.

«А меня будто нет, – подумала Тина. – Чтоб тебе на подиуме завалиться...»

В раздевалке снова был скандал.

– Что ты мне даешь? – орала Алиса на Татьяну. – Что ты мне подсовываешь? Это не платье, а настоящая половая тряпка! От него же потом воняет!

– А я что сделаю? – слабо оправдывалась Танечка. – Мне что дизайнеры дают, то я и приношу! Едва подглядить успеваю, а уж стирать не нанималась!

Платья кочуют с показа на показ, их надевают разные девушки, а после каждого показа в чистку отдавать – ни времени, ни денег не хватает. Тина брезгливо сморщила нос и вздохнула – к сожалению, это еще один минус их профессии. Если не можешь надевать чужую одежду – не ходи в манекенщицы.

– Липецкая! – грянула как всегда вовремя подошедшая Эльза. – Опять скандалишь? Тебе что – работать в агентстве надоело? Увольняйся, замену я быстро найду!

Тина подумала, что тут Эльза, пожалуй, перегнула палку, все же Алиса вполне перспективна, есть в ней некоторый шарм, ее ценят. Алиса развернулась всем телом и в упор посмотрела на Эльзу. Неожиданно она успокоилась и теперь в синих глазах стояла полная безмятежность. Глаза Эльзы метали молнии, но должного эффекта не получалось, Алиса свои не отводила.

Обмен взглядами продолжался минуты три, после чего Танечка бросила платье на стул и вышла за следующим.

– Работайте! – прошипела Эльза. – И чтобы никакого шума.

Тина перехватила ее прощальный взгляд, брошенный на Алису, и поразилась. Сейчас, пожалуй, Эльзе не подошла бы ее кличка, она не походила на холодную равнодушную эсэсовку. В глазах ее Тина заметила человеческое чувство – самую откровенную злобу.

Танечка тронула ее за руку, протягивая длинное платье золотистого шелка.

Тина шагнула на подиум – и все осталось позади: простуда, склоки, головная боль, злобное Эльзино лицо, мелкие бытовые проблемы. Только ритмичная музыка, только свободные плавные движения, только тяжелое колыхание шелка, только безликий, застывший в немом восхищении провал зрительного зала. И еще – плывущая впереди нее Алиса в коротком кремовом платье.

Восемь шагов – поворот, еще восемь шагов – замереть на месте... снова восемь шагов, свободная, танцующая походка, и главное – взгляд, тот взгляд, за который Тину так ценят фотографы и журналисты, модельеры и посетители модных показов, – мрачноватый, углубленный в себя взгляд одинокой волчицы. «Мрачный эротизм», как написал о ней один знакомый журналист...

Алиса завершила свой проход, вернулась к исходной точке и вдруг чуть заметно споткнулась.

Что это с ней?

При всей ее стервозности, при всех очевидных недостатках одного у Алисы не отнимешь: она – профессионал, споткнуться на дефиле для нее совершенно немыслимо.

Впрочем, Тина не задумывалась о чужих ошибках: она считала шаги, ловила всем телом сложный ритм музыки, смотрела в зал волчьим зеленым взглядом...

Восемь шагов, поворот, застыть на мгновение, еще восемь шагов – и все, кулисы, можно расслабиться...

Выходя с подиума, она заметила промелькнувшего в конце коридора мужчину. Прежде чем скрыться за поворотом, он обернулся, и Тина успела разглядеть его лицо – странные, широко расставленные глаза и перекошенный рот...

В гримерной творилось что-то непонятное: Алиса сидела в кресле, безвольно уронив голову на плечо, девчонки сгрудились вокруг нее, гомон стоял, как воскресным утром на птицеферме.

– Все по местам! – рявкнула, перекрыв это кудахтанье, Эльза Михайловна. – Готовимся к четвертому проходу! Всех, кто не заткнется, оштрафую!

– А на второй раз – в крематорий! – прошептала Диана.

Тина хмыкнула: она так и увидела Эльзу в черной эсэсовской форме, с овчаркой на поводке.

– Липецкая, что за спектакль? – громыхала Эльза, подступая к откинувшейся в кресле Алисе. – Дома будешь в обмороки падать, перед любовниками! Тебе еще один проход надо отработать!

Она подошла к манекенщице, склонилась над ней...

– Эльза Михайловна, отойдите в сторонку! – раздался вдруг рядом с ней спокойный, негромкий, уверенный голос.

Эльза удивленно оглянулась, пытаясь понять, кто посмел, от удивления она замолчала, только беззвучно приоткрывала рот, как выброшенная на берег рыба.

Рядом стоял Сержик. Твердой рукой отодвинув Эльзу Михайловну, он прикоснулся двумя пальцами к шее Алисы, приподнял веко и отступил в сторону:

– Она мертва.

– Что значит – мертва?! – выпалила Эльза, обретя дар речи. – Кто позволил? У нее еще четвертый проход...

– Эльза Михайловна! – Серж повысил голос. – Вы меня не поняли? Алиса умерла!

Тина машинально отметила, как изменился вдруг Серж. Исчезли жеманные интонации, он больше не сюсюкал и не растягивал слова, изменился даже сам тембр голоса – стал ниже, в нем проявились твердые, даже властные ноты.

– Кто ты такой... – начала было Эльза, но замолкла на полуслове: слова Сержа наконец дошли до нее.

– Черт! – прошипела она, с ненавистью взглянув на Алису. – Так подвести! Не доработать до конца дефиле!

– Оштрафую! – чуть слышно прошептала Диана.

Но вокруг стояла такая тишина, что Эльза расслышала этот шепот, повернулась, свернула глазами.

– Маранова, в четвертом проходе выйдешь дважды – первой и последней, в платье Липецкой! – мстительно процедила она. – Быстро одеваться и на сцену!

Диана побледнела, но не сказала больше ни слова, нырнула в тускло-серебряное платье и двинулась к подиуму.

Переодеваясь в бледно-зеленое, очень открытое платье, Тина тоже отбросила все посторонние мысли, провела рукой по лицу и включила внутренний ритм.

Мысленно просчитав до двадцати, шагнула в море света, и снова – восемь шагов, поворот, восемь шагов, замереть, зеленый волчий взгляд, танцующая легкая походка...

Когда она снова вернулась за кулисы, там появились новые люди: местный врач Павлик, сильно пьющий брюнет с глубокими залысинами, и Геннадий, начальник службы безопасности.

– Дуры вы, девки! – ворчал Павлик, держа в руке расслабленную кисть Алисы. – Доводите себя вечными голодовками! Уже сколько вешалок на подиуме поумирало – а вам все нейдет! Анорексия не шутки... вот, явно сердце отказало!

– Павлик, какое сердце? – проговорил Серж, отодвигая врача. – Посмотри на ее губы! Этот розовый налет...

– Да это помада! – отмахнулся Павел. – Что ты у меня под ногами путаешься? Тебе что, больше всех надо?

– Помада?! – Сержик всплеснул руками. – Да ты что? Чтобы блондинка с голубыми глазами пользовалась такой помадой? Ты мне это будешь говорить? Да ты сам посмотри!

Он потер губы Алисы салфеткой, победно взглянул на врача:

– Вот видишь – это помада, она сходит, а этот налет остается!

– Кто из нас двоих врач? – вяло отругивался Павел.

– Вопрос, конечно, интересный!.. – не отступал Серж. – Меня, между прочим, тоже кое-чему учили... так вот я тебе точно скажу – Алиса отравилась, и отравилась алкалоидом, редким ядом растительного происхождения...

– Что?! – вступил в разговор специалистов Геннадий. – То есть что значит – отравилась? То есть как это – отравилась? Ты хочешь перевести стрелку на меня?

– Ох, какие мы умные! – вмешалась Эльза Михайловна. – Сергей, не морочь людям голову! И не мешай работать! Нам всем лишнего шуму не надо!

Пока Тина была на подиуме, Эльза полностью пришла в себя и теперь пыталась контролировать ситуацию. Серж помотал головой и отошел в сторону от тела Алисы.

Щелк! – полутемный закуток озарил мгновенный свет вспышки. Щелк! Щелк!

Это неказистая фигура с фотоаппаратом пробралась сквозь небольшую толпу.

– Черт! – ахнул Геннадий. – Да кто же его пустил-то? Стой!

Но пронырливый фотограф уже растолкал девушек и бросился наутек, чуть прихрамывая и косолапя на левую ногу.

– Да ты же и пустил! – рявкнула Эльза. – Что я, не знаю, что тебя все журналюги кормят-поят?

– Ну это же надо... – Геннадий расстроено почесал голову. – Знаю я этого паршивца, это Витька Мухин. Маленький такой, хиленький, а в любую дырочку пролезет, у него и кличка – Муха, поскольку куда угодно пролетит.

– Ага, пролетит. – Голос Эльзы зазвенел от ярости и сдерживаемого презрения. – Да ты сам кого угодно пропустишь! Тоже мне – безопасность... Дармоед!

– Вы не очень-то! – Геннадий выпрямился во весь свой немалый рост. – Вы тут не начальница! Девоч своих шпыняйте!

– Тише вы! – Павел поднялся с колен и отпустил Алисину руку. – Все, конец пришел девчонке, тут уж ничего не сделаешь. А отравилась там она или просто сердце нагрузок и голодовок не выдержало – вскрытие покажет!

Голоса препирающихся мужчин доходили до Тины как сквозь толстый слой ваты – приглушенные, искаженные, едва различимые... она с трудом понимала их смысл, но поняла главное – Алиса умерла; возможно, ее убили. Вряд ли она сама выпила или съела яд, не тот у нее был настрой и не тот характер.

На миг Тину охватило странное чувство. Алиса умерла, и никто больше не будет говорить гадости, подсматривать из-за угла, доносить Эльзе. Конечно, у них в агентстве тот еще гадючник, как, впрочем, и везде, однако никто не станет больше ненавидеть ее так явно и беспочвенно, как Алиса Липецкая. Тина только сейчас поняла, как она устала от этой ненависти.

Алискино отношение доставало и раздражало ее, как заноза в пятке. Попробуйте-ка пройти по подиуму на высоких каблуках при таких условиях!

Тина тут же ужаснулась своим мыслям.

Разумеется, она тоже не питала к Липецкой теплых чувств, их связывала застарелая вражда, что-то вроде не слишком опасного, но неприятного хронического заболевания. Они постоянно препирались, ссорились, делали друг другу мелкие гадости (Алиса гораздо чаще). Случалось, в сердцах Тина бормотала в спину Алисе: «Чтоб у тебя язык отсох... чтоб у тебя прыщ на носу вскочил... что б тебе в парикмахерской все волосы сожгли...» И не далее как сегодня перед показом она, разозлившись, пожелала Алисе споткнуться на подиуме. А что такого, даже легендарная Наоми Кэмпбелл однажды шлепнулась на подиуме, правда, ничего себе не сломала.

Тине тогда ужасно захотелось посмотреть на валяющуюся Алиску и услышать все, что выскажет ей Эльза. Но тем не менее она не желала Липецкой настоящего, серьезного зла и уж тем более не хотела ее смерти...

И вот Алисы нет в живых...

Это было ужасно.

Ведь, как ни крути, она была одной из них, одной из «принцесс подиума», как изредка называли манекенщиц журналисты, одной из «вешалок», «рабочих лошадок», как называли они сами друг друга.

И вот ее нет...

Смерть казалась Тине чем-то нереальным, потусторонним, тем, что происходит только с другими.

И то, что ее собственные родители...

Но ведь они были гораздо старше, принадлежали к другому поколению, их смерть не казалась такой чудовищной. А Алиса – ровесница, молодая девушка, такие не умирают...

Умирают.

Вот она полулежит в кресле, и ее фарфорово-белое лицо постепенно приобретает неестественный землистый оттенок.

«Есть жнец, смертью зовется он...» – вспомнила Тина глупый стишок.

Этот стишок, который она знала с детства, до сегодняшнего дня казался ей бессмысленным, не имеющим к ней никакого отношения. И вот...

Ее передернуло.

То ли это простудный озноб, то ли расшалившиеся нервы...

До начала дефиле она мечтала отработать свое, приехать домой, выключить телефон и улечься в постель. Спать, спать, спать и проснуться здоровой и обновленной.

Но теперь, после того, что случилось, она боялась остаться одна.

И сразу же подумала о том единственном человеке, с которым ей всегда было легко и уютно.

Она достала из сумочки телефон, набрала его номер.

– Здравствуй, Принцесса! – донесся из трубки ласковый голос. – Вспомнила старика?

– Дядя Бо, можно, я к тебе заеду?

– Зачем ты спрашиваешь, Принцесса? – В его голосе прозвучала радость – но и озабоченность. – Ты прекрасно знаешь, что я тебе всегда рад! Приезжай скорее, я сварю кофе!

Через полчаса она стояла перед невзрачной деревянной дверью и нажимала на кнопку звонка.

– Открываю, открываю! – донесся из-за двери знакомый голос.

Заскрипели замки и затворы, и наконец обе двери открылись.

Сам дядя Бо называл свою квартиру «шкатулкой с секретом»: внешняя неприметная дверь служила в основном для маскировки, за ней находилась вторая, швейцарская, бронированная, с несколькими надежными замками.

Дядя Бо стоял на пороге в своей любимой домашней куртке из бордового бархата, возле его ноги красовался огромный белый персидский кот с приветственно поднятым пушистым хвостом. Дядя Бо назвал своего кота Ришелье, в честь знаменитого французского политика. Самому хозяину и самым близким друзьям разрешалось называть кота уменьшительным именем Риш. Иногда Тина всерьез задумывалась, кто из них двоих настоящий хозяин квартиры.

Дядя Бо протягивал навстречу Тине руки:

– Здравствуй, Принцесса!

Тина вошла в прихожую, дядя Бо отступил, внимательно рассмотрел ее при ярком свете старинного бронзового бра, и густые брови встревоженно поднялись.

– Что с тобой? У тебя совершенно несчастный вид! Кто посмел тебя обидеть?

– Никто, дядя Бо... я просто немного нездорова... кажется, обычная простуда...

– Не пытайся меня обмануть! – Он погрозил ей пальцем. – Уж я-то вижу тебя насквозь! Ты простужена – но не в этом дело. Ты чем-то встревожена и расстроена... но я-то хорош, держу тебя в прихожей!

Он провел ее в гостиную, усадил в любимое кресло.

– Сейчас я сварю тебе кофе! Так, как ты любишь...

– Спасибо... – Она благодарно кивнула, забралась в кресло с ногами, свернулась клубочком, как в детстве, и почувствовала, как тревога отпускает ее. – А можно мне посмотреть на человечков?

– Конечно! – Дядя Бо расплылся в улыбке, повернул потайную пружину в старинных каминных фарфоровых часах в форме рыцарского замка и поспешил на кухню.

Часы пробили четыре раза, и ворота замка распахнулись.

Тина смотрела восхищенно, округлив глаза, как в детстве.

Из ворот замка выехал верхом фарфоровый рыцарь в шлеме с опущенным забралом, за ним вышел сторбленный монах в коричневом плаще с капюшоном, следом за монахом – купец на ослике в нарядной сбруе...

С детства Тина любила это маленькое представление, время от времени просила дядю Бо «показать человечков», хотя завершение процессии вызывало у нее привычный страх. Вот и сейчас она почувствовала этот детский страх – несерьезный и ненастоящий, вроде того сладкого замиранья, какое бывает на чертовом колесе или на взлетевших высоко качелях.

Последним из ворот замка вышел скелет с косою на плече.

В окошке над воротами появились готические буквы, сплетенные, как плети дикого винограда.

Давно, много лет назад, дядя Бо перевел ей эту надпись с немецкого языка: «Есть жнец, смертью зовется он. Властью от Бога большой наделен. Когда косить он станет – и нас с тобой достанет...»

Неожиданно Тина вздрогнула: после сегодняшнего события наивный стишок приобрел новый смысл.

К счастью, вскоре скелет вслед за остальными фарфоровыми фигурками скрылся в замке, и окошко над воротами закрылось, спрятав зловещий текст.

– Ну как ты, Принцесса? – В дверях появился дядя Бо с серебряным подносом, на котором стояли две чудесные чашечки тончайшего розового немецкого фарфора, серебряная сахарница, блюдечко с тонко нарезанным лимоном.

Тина поднесла к губам невесомую чашечку, отпила чудесный горьковатый напиток.

Никто не умеет варить кофе так, как ее дядя Бо.

У него какой-то свой секрет, который он никому не открывает, даже ей. А может, и нет никакого секрета – просто нужно варить кофе полвека изо дня в день, чтобы получалось так вкусно...

– Печенье не предлагаю – знаю, что все равно откажешься... ты ведь, как всегда, на диете...

Тина кивнула, допила кофе, поставила чашечку на столик золотистой карельской березы. Подумала секунду, перевернула чашку, подставив свету скрещенные мечи – марку мейсенской фарфоровой фабрики. Дав кофейной гуще стечь, снова перевернула и принялась разглядывать образовавшиеся на стенках узоры.

– Погадай мне, дядя Бо! – проговорила она, убедившись, что не может ничего прочитать по этим коричневым разводам.

– Ну-ка, ну-ка... – Старик поднес чашку ближе к глазам, повернул ее так и этак и удовлетворенно проговорил: – Хороший рисунок! У тебя впереди большая удача... Видишь вот это пятно? Это успех... большой успех...

Тина ничего не видела, но ей было приятно слушать эти щедрые обещания... а самое главное – мягкий, любящий голос дяди Бо успокаивал ее, внушал покой и уверенность в собственных силах. Она прикрыла глаза и расслабилась.

Ее ноги коснулось что-то теплое и пушистое – это Ришелье бесшумно возник в комнате и решил почтить гостью своим прикосновением. Она протянула руку, чтобы погладить кота, но тот, как всегда независимый, ускользнул и скрылся под столом.

– У тебя был враг, противник – но он уже ушел с твоего пути, он устранен и никогда не помешает...

И вдруг Тина почувствовала острый приступ страха. Перед ее прикрытыми глазами возникло мертвое лицо Алисы Липецкой. Матовое фарфоровое лицо с бледно-розовыми лепестками губ. Алиса действительно больше никогда ей не помешает...

«Есть жнец, смертью зовется он...»

– Что с тобой, Принцесса?! – словно сквозь толстое стекло, дошел до нее голос дяди Бо. – Я же с самого начала чувствовал, что с тобой что-то случилось! Чувствовал, но ничего не сделал, старый дурак!

– Все хорошо... – слабым, невнятным голосом отозвалась Тина. – Я просто немного простудилась...

– На кушетку! – Голос дяди Бо стал твердым, профессиональным, не терпящим возражений, таким голосом он разговаривал со своими пациентами.

Тина встала, как заводная кукла, и послушно перебралась на узкую кушетку, накрытую клетчатым шотландским пледом.

Дядя Бо, один из самых известных в городе психоаналитиков, редко подвергал ее анализу. То, что он сегодня решил заняться этим, говорило о многом. Он действительно озабочен ее состоянием.

Тина вытянулась на кушетке, прикрыла глаза.

– Я был прав? – проговорил дядя полувопросительно. – Сегодня с тобой в самом деле что-то произошло?

– Алиса... – отозвалась Тина, мучительно поморщившись. – Алиса Липецкая... она умерла...

– Липецкая? – переспросил он. – Это та самая девушка, которая постоянно подкалывала тебя? С которой вы не ладили?

– Все нет! – поспешно перебила его Тина. – Ничего подобного! То есть мы, конечно, не были подругами, но таков модельный бизнес... в нем все враждуют, подсиживают друг друга... но никакой особенной войны между нами не было...

– Не обманывай меня, девочка! – мягко, чуть насмешливо возразил ей старик. – А самое главное – не обманывай себя! Если ты будешь обманывать саму себя – как же ты узнаешь правду?

И Тина поняла, что действительно пытается скрыть от себя правду. А правда заключается в том, что в первый момент она обрадовалась. Неприлично обрадовалась, увидев, как Алиса споткнулась на подиуме. Обрадовалась, увидев ее безвольно обмякшее тело в кресле. И даже – как ни страшно это признавать – позорно обрадовалась, услышав, что Липецкая умерла...

– Но почему, почему она так меня ненавидела? – плачущим голосом заговорила Тина. – Ведь я ничего ей не сделала плохого – не отбивала богатых любовников, не подсиживала, не перехватывала работу... Мы все находимся в одинаковом положении, сегодня повезет одной, завтра – другой...

– Что ты знала про Алису? – спросил дядя Бо.

И Тина поняла, что ничего. Алиса никогда не делилась с девочками своими планами и трудностями.

– Один раз я застала ее за недозволенным, – усмехнулась Тина, – она ела. Просто купила гамбургер в первом попавшемся ларьке и впиалась в него зубами. Представляешь, когда она увидела меня, она оскалилась и зарычала. Наверное, дикий зверь так поступает, когда у него пытаются отнять добычу. А в глазах у нее было такое отчаяние... Ей-богу, я думала, что она сейчас завоет...

– Муки голода, знаешь ли, бывают посильнее боли... – пробормотал дядя Бо. – Не зря в Средневековье придумали пытку голодом. Не надо было ей идти в модели. Рано или поздно последовал бы нервный срыв, может, и хорошо, что она умерла...

– Но я этого не хотела, – упавшим голосом сказала Тина.

– Успокойся, ляг поудобнее и закрой глаза. Ты должна быть честна с собой, – продолжал звучать в затихшей комнате мягкий, уверенный голос дяди Бо. – Ты должна трезво оценивать собственные мысли, собственные чувства и поступки. Только тогда ты сможешь стать внутренне свободной. Только тогда сможешь выбраться к свету...

Внезапно Тину охватил липкий, тошнотворный страх. Она снова была маленькой беспомощной девочкой, пытающейся выбраться из груды покоренного металла. Она кричит, зовет на помощь... хватает за руку отца – но папина рука, всегда такая надежная, не отзывается на ее прикосновения... папина рука в чем-то темном и липком... и только мама пытается помочь маленькой Тине, пытается вытолкнуть ее прочь из перевернувшейся, разбитой машины... еще немного – и будет поздно, их охватит багровое пламя...

Может быть, так и лучше – все закончится, закончится эта боль, закончится эта беспомощность...

Но мама подталкивает ее из последних сил...

– Все будет хорошо, моя девочка! – произносит дядя Бо, и Тина наконец вырывается на свободу, к свету, она может вдохнуть полной грудью...

Ей было семь лет, когда они с родителями возвращались с дачи. Отец нервничал, торопился – на следующий день у него была назначена важная встреча. И тут какой-то лихач пошел на обгон и в самый неудачный момент не справился с управлением. Чтобы избежать столкновения, отец резко повернул руль, машину занесло, она вылетела на обочину и перевернулась...

Тина каким-то чудом сумела выбраться наружу. Чьи-то руки подхватили ее, унесли прочь.

Бензобак взорвался, и машина родителей сгорела, как свеча. От них почти ничего не осталось.

Виновника аварии не нашли. Да его, собственно, не слишком искали. Время было трудное – начало девяностых, и у всех были свои собственные проблемы.

Тогда в ее жизни появился дядя Бо.

Дальний родственник матери, то ли двоюродный, то ли троюродный брат. Он пытался получить опеку над маленькой Тиной, но у него ничего не вышло. Строгая унылая тетка из РОНО целый час разговаривала с ним за закрытой дверью, и дядя Бо вышел из ее кабинета расстроенный.

– Ничего не получается, Принцесса... ничего не получается!.. – проговорил он, положив мягкую руку на голову девочки.

Откуда-то из провинции приехала другая родственница – тетя Зина, двоюродная сестра отца. Ей доверили Тину – тетка из РОНО почувствовала в ней родственную душу.

Тетя Зина мгновенно прописалась в родительской квартире, устроилась бухгалтером на кондитерскую фабрику и вплотную занялась Тининым воспитанием.

Воспитание это сводилось в основном к двум пунктам: не нужно о себе слишком много воображать и нельзя лениться.

– Ты вот что, Алевтина... – говорила она суровым голосом. Тину называли Алевтиной в честь бабушки, папиной матери, но маме это имя не нравилось, и она называла дочку Тиной. Тина и сейчас еще иногда во сне слышит мамин смеющийся голос: «Тинка-льдинка, Тинка-сардинка...» – Ты вот что, Алевтина, – повторяла тетка, – выбрось все мечтанья из головы, ни к чему хорошему это не приведет. Чем сидеть да грезить, лучше пол вымой, это-то за тебя никто не сделает. Я работаю и тебя на шее держать не стану.

Трудолюбие она Тине в конце концов привила, а вот насчет воображения...

Тина, к явному расстройству тети Зины, росла удивительно красивой девочкой. И в других людях, и в окружающих вещах она замечала и ценила в первую очередь красоту.

– От красоты этой одни неприятности, – повторяла тетка, мрачно разглядывая племянницу. – Пустое все это! Главное, чтобы можно было прокормиться и на черный день что-то оставить...

Она одевала ее в унылые, бесцветные вещи, купленные в секунд-хэнде, коротко стригла, но ничего не помогало – расцветающая красота Тины пробивалась сквозь уродливую одежду, как зеленый росток упорно пробивается через трещину в асфальте.

Дядю Бо тетка не выносила на дух. Она чувствовала в нем свою полную противоположность. И еще что-то трудноуловимое, но чрезвычайно ей неприятное.

Поначалу он время от времени приходил к ним домой, всеми силами пытался наладить контакт – но тетя Зина при виде его совершенно зверела, чуть не силой выпроваживала вон и в конце концов пригрозила милицией.

Дядя Бо приходит перестал, только время от времени подкарауливал Тину возле школы и провожал до дому, рассказывая ей разные удивительные истории про королей, принцесс и волшебников и даря маленькие забавные вещицы – крошечные фигурки из цветного картона в нарядных костюмах, фарфоровых зверюшек.

Тина понимала, что об этих встречах и подарках нельзя рассказывать тете Зине. Это была их с дядей Бо общая тайна. Подаренные игрушки она прятала в укромном месте под кроватью, а волшебные истории сохраняла в самой глубине своей памяти.

Пару раз он приводил ее к себе домой. Тогда Тина впервые увидела старинные часы с процессией фарфоровых человечков, тогда впервые испытала сладкий страх при виде скелета с косой.

«Есть жнец, смертью зовется он...»

Об этих визитах тетя Зина ни в коем случае не должна была узнать.

Тогда же дядя Бо начал называть ее Принцессой.

– Боже мой, Принцесса, как эта женщина тебя одевает! – вздыхал он при встрече. – Ну ничего, ты помнишь историю про гадкого утенка? Когда-нибудь ты расцветешь, несмотря ни на что...

Эту историю она, разумеется, помнила – читала сказки Андерсена, купленные еще мамой. Тетя Зина книг не покупала, считала, что все это баловство, только голову задуривать девочке.

Тина прекрасно помнила конец сказки, но ей вовсе не хотелось быть гадким утенком: как всякой девочке, ей хотелось быть красиво одетой, красиво причесанной, окруженной красивыми вещами... и не когда-нибудь в будущем, а именно сейчас, сегодня!

Так или иначе, время шло.

Тина закончила школу.

Тетя Зина настаивала на том, что у нее должна быть нужная, хлебная, как она выражалась, специальность. И понятно, что такой она считала специальность бухгалтера. Поэтому Тине предстояло учиться в специальном бухгалтерском колледже.

Но тут тетя Зина заболела.

На первых порах она лечилась какими-то домашними средствами, по врачам не ходила – считала, что это пустая трата времени и денег. Особенно денег.

«Эти все теперешние врачи только и глядят, как бы из тебя деньги вытянуть, – говорила она по вечерам. – А о том, чтобы лечить, они и не думают...»

Однако ей становилось все хуже и хуже.

Однажды пришлось вызвать «скорую», и приехавший по вызову молодой врач долго качал головой и повторял, что болезнь невероятно запущена и теперь уже трудно что-то сделать.

Тем не менее тетю Зину положили в больницу.

Тина приходила к ней, приносила яблоки и апельсины, но все в этой больнице казалось ей таким ужасным, таким бедным и отвратительным, что она с трудом высиживала возле больной тетки десять минут и скорее вырывалась на свежий воздух.

Все время, пока она сидела возле тетки, та повторяла, что красота – это зло, что от нее одни неприятности и что нужно поскорее освоить хлебную специальность бухгалтера, тогда ты нигде не пропадешь.

Время от времени тетя Зина замолкала, закусив губу. Ее взгляд застывал, словно она прислушивалась к чему-то происходящему внутри ее больного тела.

Когда тетя Зина умерла, в первый момент Тина почувствовала только освобождение. Как будто она навсегда вышла из больницы на свежий воздух...

– Ты должна быть честна с собой, – громко произнес дядя Бо, – только тогда ты сможешь вырваться к свету. Сбросив все лишнее – лишние чувства, лишние мысли, лишние эмоции, как омертвевший ненужный кокон, ты превратишься в прекрасную бабочку, раскроешь крылья и оторвешься от земли...

Он замолчал, а Тина еще несколько минут лежала, приходя в себя и заново переживая сегодняшний день.

Наконец она открыла глаза, поднялась с кушетки, свежим взглядом окинула дядину комнату.

Красивая старинная мебель, китайские вазы с удивительными картинами – рыболовы в широких шляпах, цветущие деревья, дама в пестром шелковом платье, через забор беседующая с кавалером.

Когда умерла тетя Зина, Тина была уже достаточно взрослой, чтобы самостоятельно, без тетки из РОНО, решать свою судьбу. Впрочем, никакого РОНО тогда уже не было, а вместо унылой тетки появился лысый толстяк средних лет с масляными вороватыми глазами.

Тина решила перебраться к дяде Бо.

Сам он был отчего-то смущен, но, разумеется, не возражал.

Причину его смущения Тина поняла через несколько дней, когда, встав рано утром, увидела молодого длинноволосого парня, тихонько выскользнувшего из дядиной комнаты.

К этому времени Тина была уже достаточно осведомлена, чтобы все понять. Отношение к дяде Бо несколько не испортилось, но она переехала обратно в родительскую квартиру.

– Мы оба будем чувствовать себя свободнее, – сказала она дяде, собирая вещи.

Он не стал спорить.

– Ну как, Принцесса, тебе стало легче? – окликнул ее дядя Бо. – Больше ни о чем ты не хочешь поговорить?

Она тряхнула головой, словно сбросила с себя странные чары, и улыбнулась:

– Спасибо, мне действительно стало легче!

Из какого-то укромного уголка снова возник Ришелье, пересек комнату и потерял о Тинины ноги.

Во время сеансов психоанализа кот всегда бесследно исчезал – то ли не хотел мешать хозяину, то ли ему просто не нравилось это бессмысленное занятие.

– Ришелье тебя любит, – проговорил ей вслеп дядя Бо. – Может быть, тебе стоит завести котенка?

– Вряд ли. – Тина усмехнулась. – Я часто поздно возвращаюсь, он будет скучать.

– Кошки никогда не скучают, – возразил дядя Бо, ласково подняв кота на руки и погрузив лицо в белоснежную пушистую шерсть. – Скучают только пустые, поверхностные натуры, а у кошек очень богатая внутренняя жизнь. А теперь, дорогая, обязательно нужно поесть. Хоть ты и на диете, но все же питаешься не святым духом, а сейчас тебе следует поддержать силы.

Тина легко сдалась, понимая, что спорить глупо, дядя всегда прав. Они прошли на кухню, дядя Бо принимал ее по-домашнему, как свою. Да она и была своя, и он был свой, единственный близкий ей человек.

– Недавно я узнал замечательный рецепт! – оживленно говорил дядя Бо, хлопая дверцей холодильника. – Представляешь, фуа-гра, оказывается, нужно есть с конфитюром из фигов!

– Из чего? – прыснула Тина.

– Из винных ягод, – не смутился дядя Бо. – Но ты, разумеется, откажешься... Не хмурься, вот твои помидоры.

За разговором он нарезал помидоры аккуратными кружочками и посыпал их смесью из прованских трав. Дядя Бо был ярким почитателем настоящей французской кухни, его деловые и высокопоставленные пациенты это знали и привозили старику различные деликатесы из Франции и Швейцарии.

– Масла не надо. – Тина предостерегающе замахала руками.

– Тогда – куриную грудку! – решительно сказал дядя Бо. – От нее веса не наберешь!

Тина кивнула, но не менее решительно разрешила кусок пополам. Дядя Бо в это время открыл пачку круглых сухариков, намазал несколько штук маслом, положил на него толстый слой фуа-гра и аккуратно выложил на каждый бутерброд каплю конфитюра из винных ягод. Откусил от одного и блаженно зажмурился, подвинув блюдо Тине. Она поднесла бутерброд к носу, понюхала с такой же блаженной физиономией, после чего соскребла ножом паштет и масло и закусила сухарик.

Снизу послышалось требовательное мяуканье – это Ришелье напоминал о своих интересах.

– Риш, тебе нельзя фуа-гра! – В голосе дяди Бо слышалось непритворное огорчение. – Доктор сказал, что он плохо действует на твою печень...

Ришелье тут же развернулся и направился к Тине, она знала, что кот понимает человеческую речь. После долгих уговоров кот согласился на половинку куриной грудки.

«Как хорошо на душе после визитов к дяде! – думала Тина. – Только он умеет привести меня в норму! Даже простуда куда-то подевалась...»

Тина вышла из лифта, подошла к своей двери.

На площадке было полутемно, опять перегорела одна лампочка из двух, и никому из соседей не пришло в голову ее заменить. Впрочем, сама она тоже забывала об этой лампочке, едва переступив порог своей квартиры.

На коврик перед дверью что-то темнело. Тина наклонилась, осторожно подняла этот предмет. Это была длинноногая кукла Барби. Может быть, кто-то из соседских детей потерял ее... Отступив ближе к свету, Тина разглядела куклу. Светло-золотистые волосы, голубые пуговицы глаз, короткое платье из кремового шелка...

На какую-то долю секунды ей показалось, что она держит в руке крошечную Алису Липецкую.

Мертвую Алису Липецкую.

Стены качнулись, поплыли перед глазами. Тина с трудом удержалась на ногах.

Черт, разве можно так распускаться! Разве можно впасть в панику от вида самой обыкновенной куклы!

Ну да, светлые волосы, голубые глаза... но это не кукла похожа на Алису. Это покойная Алиса была вылитая Барби. И тщательно культивировала в себе это сходство. Джентльмены предпочитают блондинок... Так что ничего странного и тем более сверхъестественного в этом нет.

А платье... Ну в самом деле – что в этом странного? Цвет действительно похож, но это всего лишь случайное совпадение...

Тем не менее Тина чувствовала какое-то смутное беспокойство.

Брезгливо, двумя пальцами держа куклу, она положила ее на широкий подоконник. Если потерял кто-то из соседей – он найдет свою пропажу...

Ей снова показалось, что на подоконнике лежит крошечная Алиса.

Бросив на куклу последний взгляд, Тина заметила, что голова Барби откинута назад под странным, неестественным углом. Она еще раз пригляделась к игрушке и с невольным отвращением заметила, что горло куклы надрезано бритвой и голова держится на узком лоскутке.

Это было чересчур.

Тина поспешно отвернулась, в два шага пересекла площадку и открыла свою дверь.

Ее колотил страшный озноб – казалось, она только что выбралась из ледяной воды...

Быстро раздевшись, побросала вещи в коридоре и устремилась в ванную комнату. Встала под горячий душ и долго стояла под ним, старательно смывая с себя сегодняшний день – усталость, страх, раздражение... и то отвратительное чувство, которое она испытала, увидев перерезанное горло куклы.

Горячие струи постепенно сделали свое дело – озноб прошел, Тина согрелась и расслабилась, и невидимый обруч, сжимавший ее голову, распался.

– Я должна быть честна с собой, – проговорила она, шевеля мокрыми губами. – Я должна трезво оценивать собственные мысли, собственные чувства и поступки. Только тогда я смогу стать внутренне свободной...

Это были чужие слова, но они помогли ей окончательно успокоиться.

Тина вышла из-под душа, растерлась жестким полотенцем, всунула ноги в мягкие пушистые тапочки.

Сейчас ей хотелось только одного – добраться до постели и заснуть...

Но это было ей не суждено.

Едва выйдя из ванной, она услышала голос Таниты Тикарам – голос своего собственного мобильного.

Музыка доносилась откуда-то снизу, и Тина не сразу сообразила, что мобильник валяется на полу, под грудой одежды, которую она сбросила с себя, войдя в квартиру.

Откопав телефон, она увидела на дисплее, кто звонит, и поднесла трубку к уху.

– Зоомагазин, – проговорила она деловым тоном.

Это была ее обычная шутка, и Леня всегда охотно поддерживал эту игру, он спрашивал, есть ли в продаже крокодилы или кенгуру. Но сегодня он был не в настроении.

– Куда ты пропала? – проворчал он недовольно. – Я звоню тебе уже полчаса!

– Я была в ванной, – ответила Тина чистую правду.

– Отлично, значит, ты почти готова!

– Готова к чему? – переспросила Тина с испугом.

– Как – к чему? Ты что, забыла? Мы же с тобой сегодня идем на открытие нового клуба!

– О Господи! – простонала Тина.

Она действительно напрочь забыла о его планах. И ей сейчас совершенно никуда не хотелось идти. Хотелось забраться под одеяло, выпить большую кружку чаю с лимоном (без сахара, разумеется) и посмотреть по телевизору какой-нибудь сериал или старую комедию про колхоз. Там все такие смешные – толстые, ужасно одетые женщины говорят звонкими голосами, все время поют и пляшут. И все влюблены в председателя колхоза. Или в агронома. Такие фильмы очень успокаивают. Как было бы здорово провести дома тихий, спокойный вечер!

Идти сегодня никуда не хочется. Особенно с Леонидом.

Это вовсе не значит, что он был ей неприятен.

Они познакомились с Леонидом пару месяцев назад, на показе новой коллекции Алены Ахмадулиной.

Толстый лысый мужик лет сорока подошел к ней после показа, пригласил в приличный ресторан. Тине никуда не хотелось, но она перехватила оценивающий, заинтересованный взгляд Алисы Липецкой и согласилась – исключительно из вредности.

Впрочем, очень скоро она оценила несомненные достоинства Леонида.

Он был достаточно богат – не олигарх, конечно, но очень неплохой уровень, владелец собственной компании сотовой связи. Впрочем, вокруг моделей бедные люди не выются. Важнее было другое: Леонид оказался довольно остроумным, внимательным, а самое удивительное – он вовсе не торопился затащить ее в постель.

Позднее, когда они пригляделись друг к другу, он объяснил Тине, что она нужна ему, чтобы оградить от бесчисленных охотниц за деньгами.

– У тебя в глазах нет этого хищного блеска, – пояснил как-то Леонид за ужином в Вог-кафе. – Ты не представляешь для меня угрозы. Ну, и внешность, конечно... – добавил он, заметив недовольную складку между бровей. – С тобой прилично появиться где угодно. Ты не только красива – ты умеешь хорошо держаться...

Короче, их отношения напоминали взаимовыгодный контракт. Или то, что в биологии называют симбиозом – когда мелкие рыбы следуют за акулой, заранее предупреждая ее об опасности и за это пользуясь крошками с ее стола.

Конечно, звучит не слишком приятно, но доля правды в этом сравнении есть. Потому что Тине такие отношения тоже были удобны. Она хотела достичь успеха в своей профессии, хотела известности, выгодных контрактов. Иногда, усмехаясь про себя, она вспоминала тетю Зину и думала, что та все же сумела кое-что ей внушить. Ее совершенно не готовили к замужеству – тетка была одинока и немолода, Тина была уверена, что она и в молодости не интересовалась мужчинами. Тинина жизнь с родителями продолжалась очень недолго, она быстро забыла, что такое семья. Тину готовили к труду. «Работать, твердо стоять на ногах, полагаться только на собственные силы», – твердила тетя Зина.

Тина хотела работать. Но в модельном бизнесе крутятся разные люди. Красивые девушки привлекают разных мужчин. Некоторые женятся на моделях, в основном же предлагают свое

покровительство в обмен на постель. В случае отказа влиятельный человек может здорово подпортить карьеру или вообще ее погубить. В случае согласия тоже не все гладко – через некоторое время любовник встретит другую модель, а эту бросит за ненадобностью. Слух об отставке разнесется быстро, и карьера тоже пойдет на спад.

Тина повсюду сопровождала своего нового приятеля, всеми средствами давая понять окружающим пираньям, что объект находится под охраной, что он – частная собственность и лучше не приближаться. Кроме того, она умело поддерживала беседу с его приятелями и деловыми партнерами и придавала ему определенный блеск.

Он же в ответ вводил ее в приличный круг, то есть в круг известных, богатых и влиятельных людей. Кроме того, у каждой уважающей себя модели должен быть свой постоянный спонсор, или покровитель, или попросту папик, иначе на нее станут коситься, ее будут затирать более удачливые коллеги... Леонид отпугивал от Тины разных сомнительных личностей.

Такое сосуществование Тину вполне устраивало, хотя через какое-то время она стала задумываться о причинах слишком «джентльменского» поведения Леонида. Разумеется, она ни с кем это не обсуждала, это была их маленькая тайна, но сама Тина последовательно выработала несколько гипотез: она не в его вкусе; но тогда почему он именно ее выбрал из тысяч длинноногих красоток? Он голубой; но тогда почему рядом с ним никогда не появляются смазливые юноши или накачанные спортсмены? И вообще, такая нетрадиционная ориентация в наши дни вовсе не считается предосудительной, многие ее даже нарочно изображают. Третий вариант – Леонид импотент. Но опять-таки в наши дни это перестало быть серьезной проблемой и поводом для расстройства: на этот случай современная медицина придумала массу лекарств и вполне надежных способов исцеления.

Так или иначе, Тина не могла придумать убедительного объяснения поведению своего спонсора и в конце концов смирилась с тем, что на свете существуют вещи, совершенно необъяснимые.

Единственным недостатком их сосуществования было то, что, как всякий договор, пусть даже не скрепленный подписями сторон, он требовал аккуратного исполнения.

То есть Тина должна была отправляться с Леонидом на любую тусовку по первому его требованию.

Вот и сейчас – ей больше всего хотелось завалиться спать, но труба звала ее к новым свершениям...

– Хорошо, Ленчик, – вздохнула Тина. – Через десять минут я буду готова...

Это не было преувеличением: модели, при всех их общих недостатках, выгодно отличаются от прочих женщин одним общим достоинством: они умеют необыкновенно быстро приводить себя в приличную форму, молниеносно одеваться и причесываться.

Если для нормальной, уважающей себя женщины одеться за час – это личный рекорд и почти подвиг, то для манекенщицы десять минут на одевание – это вполне нормальное время.

Ровно через десять минут Тина оглядела себя в высоком зеркале и осталась удовлетворена. Платье цвета старой бронзы с высоким воротником очень шло к ее зеленым глазам. Это платье сшила для нее Лина Муравьева, малоизвестный молодой дизайнер, но оно Тине очень нравилось. Тина верила, что у ее подруги большое будущее.

Они познакомились год назад на конкурсе молодых дизайнеров под названием «Экзерсис». Там царил форменное столпотворение, манекенщицы сменялись на подиуме одна за другой, дизайнеры бегали с ворохом своих шмоток, глядя на окружающих вытаращенными глазами, распорядители встречали всех рычанием и криками. Все куда-то торопились, все пытались пролезть без очереди, манекенщицы, загруженные до предела, хамили и капризничали.

Тина едва успела отшатнуться от длинноволосого парня сумасшедшего вида, он рвал свою роскошную гриву и ругался матом, потому что вся его коллекция куда-то пропала. Он

буквально на минуту оставил ее вот тут под присмотром девушки и пошел разбираться с помещением, и одежду тотчас кто-то умыкнул вместе с девушкой – она-то кому понадобилась?

Тина с опаской обогнула сдвинувшегося от неприятностей парня и тут же наткнулась на сидевшую в сторонке тоненькую хрупкую девчушку.

– Вы не могли бы... – спросила та сдавленным от сдерживаемых слез голосом, – вы не могли бы мне помочь? Дело в том, что манекенщица, с которой я договаривалась, не пришла, и теперь я просто не знаю, что делать...

Тина едва сдержала обычный ответ, что она устала, и у нее еще много работы, и что так дела не делаются, но увидела в глазах у девушки такое отчаяние и представила, как долго та готовилась к конкурсу, и вот едва ли не полугодовой труд пойдет насмарку! И сколько же бедняга наслушалась отказов и ругани!

– Но без примерки... – протянула Тина.

– Это ничего! – Девушка обрадованно вскочила, и Тина увидела, что она не такая уж молоденькая, просто хрупкая и небольшого роста. – У вас замечательная фигура, все подойдет!

– У меня в два тридцать показ, – сказала Тина, взглянув на часы.

– А я в самом конце! Так что успеем! – обрадовалась девушка. – Меня зовут Лина.

Тина представилась и предложила посмотреть коллекцию прямо сейчас, пока у нее есть время.

Лина Муравьева участвовала в конкурсе второй раз и предлагала для просмотра шесть вещей. В небольшой комнатке, где было тесно от стоек с одеждой, на пяточке посредине стояла девица с горящей сигаретой в руке. Другой рукой она пыталась натянуть на себя коротенькие брючки. Кроме трусиков, на девице ничего не было.

– Наташа! – Лина всплеснула руками и попыталась вырвать из ее рук брюки. – Я же просила тебя не курить здесь!

– А чё делать-то... – лениво ответила девчонка и медленно повернулась.

Она была совсем юна, лет четырнадцати, не более. Это было видно по коже на едва намеченной груди и бедрах – нежная, светящаяся, полупрозрачная. Девчонка была худа, и косточки едва не просвечивали под тонкой кожей. Все остальное оставляло желать лучшего. Пустые глаза, лениво-брезгливое выражение лица, чересчур нарощенные, огненного цвета ногти.

– Ты что, рехнулась? – спросила Тина вместо приветствия. – Одежда же дымом провоняет!

– А твое какое дело? – По инерции девица говорила по-хамски. – Ты вообще кто?

Тина, не ответив, спросила глазами Лину, где она откопала такое сокровище. Та едва заметно пожала плечами – сама, мол, видишь, мне выбирать не приходится...

Тина вздохнула – девчонка небось заняла почетное третье место на конкурсе красоты в каком-нибудь Задрипанске и безумно возгордилась. Решила, что ей нужно немедленно подаваться в Москву и поступать в модели, без этого никак. А поскольку на первом этапе все получилось, то у нее развилась неумеренная мания величия. Конечно, по сравнению с подружками из Задрипанска она сделала замечательную карьеру. Те-то небось умирают от скуки в восьмом классе средней школы и исходят завистью.

Девчонка пригляделась к Тине и сбавила тон. Потом ткнула окурочку в чашку с недопитым кофе, что стояла на подоконнике, отчего Тину передернуло. Лина открыла форточку и протянула девчонке полотенце, чтобы прикрылась.

Коллекция была осенне-зимней и включала в себя куртки, брюки, жакеты и одно вечернее платье – на Новый год.

– Я в платье завершаю показ! – заявила Наташка капризным голосом.

– Сокровище! – развеселилась Тина. – А ты по подиуму-то ходить умеешь?

– Я? – От возмущения у девицы слетело полотенце.

– Ну-ка, пройди! – Лина, у которой способности девицы тоже вызвали сомнение, протянула ей пару босоножек на высоком каблуке. Наташку вытолкнули в коридор, а сами стали в дверях.

– Господи! – ахнула Тина. – Ну и походочка! У тебя в родне моряков не было?

Действительно, походка производила удручающее впечатление – Наташка одновременно вихляла задом и загребала ногами. Вдобавок ко всему по коридору пробежал какой-то толстый тип и не глядя ухватил Наташку за обнаженную грудь.

– Козел! – заорала она и замахнулась, но тип уже скрылся за углом, чмокнув в воздухе жирными губами.

– Да что же это такое! – пригорюнилась Лина. – Наверное, сегодня не мой день...

– О платье забудь! – строго сказала Тина. – Надень вот это!

Они мигом обрядили Наташку в кожаную курточку с меховыми вставками и свободные брюки-бананы. Встрепенувшаяся Лина застегнула на ней широкий ремень и нахлобучила на голову большой берет.

– А теперь сунь руки в карманы и представь, что в конце подиума стоит тот жирный козел и ты идешь ему бить морду! – предложила Тина. – Только вслух не ругайся...

– Отлично! – Лина повеселела. – Так и ходи!

Всего для показа были готовы шесть комплектов.

– Придется ограничиться двумя, – горевала Лина, – больше мне никого не найти, а переодеться вы не успеете.

Тина рассматривала простого покроя жакет из плотной ткани и длинную юбку. Изюминка была в том, что к костюму прилагался широкий шарф из асимметрично нашитых кусочков золотистого меха. Лина призналась, что с мехом работает впервые и на цельнокроеные вещи в этой коллекции пока не решилась.

– Погоди-ка... – Тина погладила золотистый мех и достала мобильник, чтобы вызвонить Милку Сорокину. Да, точно, тогда Милка еще не уехала и принимала участие в том конкурсе. Милка быстро дала себя уговорить, она вообще была девка неплохая, компанейская. Золотистый мех отлично подошел к Милкиным рыжим от природы волосам и карим сияющим глазам. На подиуме Милка всегда улыбалась, потому что улыбка у нее была чудесная и ямочки на щеках.

«Все-таки Эльза – жуткая сволочь, – вздохнула в который раз Тина. – У Милки было большое будущее...»

В тот раз все покатило стремительно. Наташке подошли простые джинсы и синяя шелковая блузка с пышными рукавами, как на портретах английского короля Генриха VIII. Милка взяла узкие брючки и свободную кофту мягкого трикотажа, себе Тина оставила черные брюки и жакет в рыже-зеленую клетку с большими пуговицами.

– Ужас какой! – бурно восхитилась Милка.

– Не знаю, что на меня нашло. – Лина отвела глаза. – Как увидела этот материал, не смогла взять себя в руки...

– Тут твой коронный номер не пройдет! – веселилась Милка. – Волчица в клетчатом пиджачке!

Тина вспомнила вдруг свой разговор с Сержем. Занимаясь ее лицом, он иногда тихонько подсказывал ей, как следует подавать себя в том или ином наряде. Ее «взгляд одинокой волчицы» процентов на пятьдесят заслуга Сержа.

– А если вот так – шаг вперед, а потом стремительный поворот, так что распущенные волосы с силой разрезали воздух. И глаза чуть расширить, чтобы сверкнули.

– Голова не отвалится? – с нескрываемой завистью спросила Наташка.

– Учись, малолетка, у мастеров! – Милка щелкнула ее по носу.

Тина была озабочена другим. Платье подошло отлично, как будто было сшито на нее, но вот цвет... Серо-лиловый, не ее цвет...

– Глаза поярче... – раздумчиво предложила Милка.

Лина уверенной рукой заколола Тине волосы и воткнула туда старинный серебряный гребень.

Показ тогда прошел отлично. Хлопать начали уже Наташке. Милка в золотистом меху была великолепна. Жакет в клеточку вызвал интерес, журналисты писали про него – «хулиганский». Но платье... Свет софитов отражался в серебряном гребне, платье струилось вдоль фигуры, а Тина едва сдерживала слезы, потому что Лина, торопясь, так сильно воткнула в волосы гребень, что поцарапала кожу до крови.

Так или иначе, их всех отметили, а о дизайнере Лине Муравьевой заговорили всерьез. Здорово они тогда помогли Лине. С тех пор они дружат, и Лина шьет для нее наряды за ничтожно малую цену.

Тина улыбнулась самой себе в зеркале и поправила высокий воротник платья. Надо завтра позвонить Лине, она готовит новую коллекцию, и вся одежда шьется по Тининым меркам. А сейчас хватит воспоминаний, надо спешить.

На ногах у нее были узкие парчовые сапоги от Маноло, в руке – любимая сумочка от Фенди.

Пройдясь перед зеркалом танцующей походкой, Тина набросила на плечи короткое пальто.

И в ту же минуту в прихожей раздался требовательный сигнал домофона.

– Иду! – крикнула она в трубку и стремительно выскочила из квартиры.

На площадке она буквально нос к носу столкнулась с соседями, Мишей и Машей. У них была дочка лет шести, Сашенька, и Тина, вспомнив найденную на пороге куклу, обратилась к Мише:

– Вы, случайно, не потеряли куклу?

– Куклу? Какую еще куклу? – раздраженно переспросила Маша, отодвинув мужа и закрыв его своим телом, как амбразуру.

Тина невольно увидела себя ее глазами – роскошная девица, одета красиво и дорого, судя по прикиду, направляется в шикарный ресторан или ночной клуб, будет там весело проводить время среди богатых и беспечных людей. Ее окружают щедрые обеспеченные мужчины, наверняка это любовник ждет у подъезда в дорожной машине. А что ждет Машу нынешним вечером? Приготовленный на скорую руку невкусный ужин, телевизор, надоевшее нытье дочери и муж, который так и пожирает глазами красивую соседку, чуть шею не сворачивает каждый раз.

В конце концов, Тина вполне могла понять ее раздражение: какой замужней женщине понравится модель в качестве соседки? Стараясь не закипать, Тина ответила спокойно:

– Обычная кукла, Барби... вон она лежит, на подоконнике...

– В жизни у нашей дочери не было Барби! – фыркнула соседка, как будто Тина заподозрила их малолетнюю дочь в употреблении наркотиков. Тем не менее она с любопытством развинулась и уставилась на подоконник.

Тина тоже машинально взглянула туда.

Никакой куклы там не было.

– И где же эта Барби? – неприязненно осведомилась Маша.

– Может, кто-то уже взял... – робко попытался включиться в разговор ее муж.

– А тебя никто не спрашивает! – зашипела на него Маша и решительно втокнула в квартиру.

– Мама не покупает мне Барби, – доверчиво сообщила Сашенька, выглядывая из дверей, – она считает, что Барби – это пошлость и китайский ширпотреб. У всех девочек Барби, а у меня нету.

– А ты хочешь? – улыбнулась Тина.

– Конечно! Можно меняться разными аксессуарами... – Сашенька с гордостью выговорила трудное слово, – можно ходить друг к другу в гости...

– Александра! – Маша появилась на пороге и дернула дочку за руку. – Не смей разговаривать с этой...

– С какой? – Тина выпрямилась и свысока бросила на Машу свой коронный взгляд. – Скажи мне об этом прямо в глаза и не шипи за дверь, как помойная кошка, которой наступили на хвост!

– Михаил! – Маша растерялась от такого напора. – Миша!

– Прекрати и закрой дверь! – послышался спокойный голос Миши. – Не срамись!

Тина пожалала плечами и сбежала вниз по лестнице, думая про себя, что красивая внешность все же приносит какую-то пользу: мужчина при любом конфликте всегда будет на ее стороне.

Леонид ждал ее за рулем черного «порше-кайенна».

Окинув ее удовлетворенным взглядом, он дурашливо прикрыл ладонью глаза:

– Я ослеплен!

– Смотри, не врежься в столб! И не забудь прицепить на машину знак «За рулем слепой»!

«Кайенн» фыркнул мощным мотором, как будто по достоинству оценив их шуточный диалог, и сорвался с места.

Перед входом в новый клуб буквально яблоку негде было упасть. Весь переулок запрудили «порше» и «ягуары», «инфинити» и «лексусы», «ауди» и «мерседесы».

Несмотря на тесноту, Леонид умудрился ловко припарковать свой «кайенн», выбрался из машины и подал руку Тине.

Тут же сновали журналисты из тех, кто не сумел проникнуть внутрь клуба, – они крутились вокруг парковки, чтобы хоть здесь сфотографировать кого-нибудь из знаменитостей и в завтрашнем номере своей газетки с видом посвященных в тайны светской жизни сообщить, что Петр Авен появился на открытии клуба с таинственной брюнеткой.

Кто-то из этих несчастных подскочил к Леониду с Тиной, щелкнул вспышкой, но не узнал их в лицо и удалился, утратив интерес. Леня подхватил свою спутницу и уверенно зашагал к входу, который осаждали десятки желающих прорваться на тусовку.

Здесь его узнали моментально, и прозрачная дверь распахнулась как по мановению волшебной палочки.

Вокруг гремела оглушительная музыка, мелькали знакомые и полужнакомые лица. Лица, известные по газетным страницам и телевизионным репортажам, сходящие с вершины известности и только карабкающиеся на нее...

– Здравствуй, Ленчик! – окликнул Тининою спутника худой высокий мужчина с лошадиным лицом. – Завтра будешь у Аркадия?

– А как же! – Леонид широко улыбнулся. – Как же можно не прийти к Аркадию?

– Ну, до завтра, старый! – Худой похлопал Леню по плечу и смешался с толпой.

– Кто это? – спросила Тина. Лошадиное лицо показалось ей смутно знакомым.

– А черт его знает... – Леонид безразлично пожал плечами. – Какой-то тусовщик...

Тут же из толпы вылетел, как пробка из бутылки шампанского, низенький толстяк с коротко стриженными седоватыми волосами и круглыми очками, придававшими ему вид доброго дядюшки.

– Привет, Леня! Почему тебя не было вчера у Пети?

– Как же не было? Я был! Мы просто не столкнулись!.. Я тебя весь вечер искал...

Но толстяк уже не слушал ответ, он что-то горячо шептал на ухо немолодой элегантной блондинке.

– Тоже какой-то тусовщик? – осведомилась Тина.

– Да нет, это не какой-то, это владелец нескольких золотых приисков в Сибири... страшный человек! А блондинку, с которой он разговаривает, ты наверняка знаешь. Она сенатор, член Совета Федерации...

Поддерживая под локти двух неправдоподобно красивых девиц, мимо них прошел молодой парень в красной вышитой рубашке, подпоясанный цветным плетеным кушаком.

– Что это за клоун? – удивленно проговорила Тина, проводив троицу взглядом.

– Это не клоун. – Леонид усмехнулся. – Это Чичваркин, владелец «Евросети»... способный парень. А насчет его манеры одеваться – это такой пиар...

В этот момент Чичваркин обернулся, и Леонид приветливо помахал ему рукой, как хорошему знакомому. Ответом ему была широкая добродушная улыбка.

– Способный парень! – повторил Леонид. – Но не хотел бы я столкнуться с ним на узкой дорожке...

Поймав проходившего мимо официанта, Леонид взял с подноса два бокала – с ледяной «Маргаритой» для Тины и с односолодовым виски для себя. Тина пригубила коктейль, заметила краем глаза характерную профессиональную походку своей коллеги-манекенщицы, повернулась и узнала знаменитый профиль Натальи Водяновой. Значит, она снова здесь.

Она снова вспомнила сегодняшний показ, вспомнила, как споткнулась Алиса... вспомнила ее неживое лицо...

И тут она увидела того самого человека, который встретился ей утром за кулисами.

Широко расставленные глаза, пепельный ежик волос, странный, как будто перекошенный гримасой рот.

– Кто это? – зашептала она, схватив Леню за плечо.

– Где? – Он неторопливо обернулся, проследил за ее взглядом... но человек с перекошенным ртом уже скрылся в толпе, на его месте стоял мужчина с густой бородой и волосами до плеч.

– Ты разве не знаешь? Это Никас Сафронов, художник... очень известный...

– Да знаю я, кто такой Сафронов! – отмахнулась Тина. – Там другой стоял, с таким кривым ртом...

– И чем он тебя заинтересовал? – хмыкнул Леонид. – Он на тебя косо посмотрел?

Тина полувопросительно взглянула на своего спутника: ей послышалась в его голосе какая-то еле уловимая фальшь. За время их знакомства она успела хорошо изучить интонации Леонида и безошибочно чувствовала в его голосе фальшивые нотки. Она хотела обдумать причину такого странного поведения, но не успела сделать этого, потому что ее кто-то окликнул:

– Тинка!

Обернувшись на голос, Тина увидела свою старую знакомую Лизу Шапошникову.

Прежде Лиза работала в том же, что и Тина, модельном агентстве, но год назад ухитрилась выскочить замуж. Муж ее был не подарок – староват, ревнив, вспыльчив, да и не сказать, чтобы слишком богат. Однако кое-какие деньги у него водились, а самое главное – он был вхож в нужные круги. В те круги, где создаются состояния и репутации. Тем не менее сам факт замужества так вскружил Шапошниковой голову, что она задрала нос выше Спасской башни и перестала замечать бывших знакомых и коллег по модельному бизнесу. Выйдя замуж, она считала себя человеком другого сорта, считала, что купила билет в первый класс. Так что Тина удивилась, когда Лиза окликнула ее и, приветливо помахав рукой, протолкалась к ней через толпу.

– Привет, подруга! – прошебетала она, схватив Тину за руку. – Отлично выглядишь! Шикарное платье, где покупала?

– Это авторская работа, дизайнер Лина Муравьева. – Тина пользовалась любым случаем, чтобы сделать рекламу подруге.

Лиза не отмахнулась и даже записала адрес магазина, где иногда продавались Линыны работы.

– Непременно зайду посмотреть! Пойдем, попудрим носик!

Тина удивленно взглянула на нее: откуда такой интерес?

Неопределенно кивнув Леониду, она потащила за Лизой в сторону дамской комнаты, решив предоставить той инициативу: Шапошникова всегда была болтлива и моментально выдаст причину своей заинтересованности.

Войдя в туалет, Лиза огляделась по сторонам и с заговорщицким видом достала усыпанный стразами мобильный телефон. Открыв заднюю крышку, она высыпала из мобильного на подзеркальную полочку горку белого порошка. Свернув в трубочку купюру, протянула ее Тине:

– Ну что, подруга, взбодримся?

– Нет. – Тина отступила на шаг. – Это ты теперь свободная женщина, можешь позволить себе что угодно, а я – крепостная актриса. Ты же знаешь нашу Эльзу: у нее глаз – алмаз, если заметит – тут же выкинет на улицу...

– Да ничего она не заметит! – небрежно отмахнулась Лиза. – А, ладно, подруга, как хочешь... заставлять не стану, у нас свободная страна, а я разнюхаюсь... с моим благоверным иначе не проживешь, приходится хоть так расслабляться... свободная женщина! Это же надо так сказать... какая уж тут свобода! Самое настоящее рабство! Мне просто необходимо расслабиться...

Это было что-то новое: раньше, если Лиза снисходила до разговора с бывшими коллегами, от нее можно было услышать только неумеренное хвастовство своей новой роскошной жизнью.

– Как хочешь, конечно! – кивнула Тина. Ей хотелось скорее узнать настоящую причину этого разговора.

Лиза наклонилась над полочкой, шумно втянула порошок и зажмурилась от удовольствия:

– Класс! Первый сорт! Ты точно не хочешь?

– Я же сказала!..

Лиза запрокинула голову, помолчала несколько секунд и наконец выдохнула:

– Жалко Алиску!

Ага, вот оно! Уже весь город знает о сегодняшнем событии, и Лиза решила разговорить ее, чтобы узнать новости из первых рук!

Специально для того, чтобы позлить приятельницу, Тина выразительно промолчала.

– Правда, что ее убили? – Глаза Лизы горели жадным огнем любопытства, она уставилась на Тину в ожидании щекочущих нервы подробностей.

– Да кто тебе сказал? – Тина наигранно округлила глаза. – Врач сказал – сердечный приступ. Заморила себя диетами...

– Алиска?! – Лиза захлопала накладными ресницами и вдруг разразилась хриплым вульгарным смехом. – Да я своими глазами видела, как она гамбургер трескает!..

«Я тоже», – хотела добавить Тина, но почему-то передумала. Ей стали противны сам этот разговор, и то жадное любопытство, с каким Лиза расспрашивает ее о смерти былой знакомой.

– Нет, как хочешь, подруга, а ее убили! – Лиза понизила голос и оглянулась на дверь. – Это наверняка из-за ее нового приятеля...

– Какого приятеля? – без особенного интереса переспросила Тина.

И тут Лиза прикусила язык – видимо, сообразив, что сказала лишнее.

– Какого приятеля? – повторила Тина, заинтересованная странным поведением Шапошниковой.

– Приятеля? – пробормотала та, пряча глаза. – Разве я говорила про какого-то приятеля? Не знаю никакого приятеля... Это, видно, от кокоса меня заносит... увидишь Райнера – передай ему от меня привет...

– Что?! Райнера? – удивленно переспросила Тина. – С какой стати я его должна увидеть?

– Я тебе ничего не говорила! – дурашливо пробормотала Лиза и скользнула к двери.

Тина шагнула за ней, вышла в коридор – но Шапошниковой уже и след простыл.

От этого разговора у Тины остался какой-то странный, неприятный осадок.

Лиза явно что-то знала об Алисе – но даже при своей врожденной болтливости, еще усилившейся под действием кокоса, неожиданно замолчала, явно боясь выболтать лишнее.

И потом – что за странная фраза насчет Райнера?

Единственный Райнер, о котором знала Тина, был Райнер Мюнстер, представитель крупного рекламного агентства. Контракт с этим агентством был золотой мечтой каждой модели. Золотой и практически неосуществимой.

Правда, Алиса Липецкая последние дни то и дело роняла смутные намеки на то, что ее ждет огромный карьерный прорыв, и пару раз упоминала представляемое Райнером агентство... Но даже если это было правдой, если Алиса не выдавала желаемое за действительное – при чем тут сама Тина?

Нет, наверное, Шапошникова действительно, как обычно, болтала ерунду...

Пожав плечами, Тина двинулась обратно в зал.

На пороге она на секунду задержалась, заново привыкая к сиянию огней, сверканию бриллиантов, грохоту музыки. Оглядев публику, изо всех сил изображающую неумеренное веселье, она вдруг ощутила странное чувство.

Все в этом зале прикидывались не тем, чем и кем были на самом деле.

Злейшие враги прикидывались закадычными друзьями, воротилы бизнеса прикидывались клоунами, а светские болтуны – серьезными бизнесменами; стареющие женщины прикидывались юными девушками, а действительно молодые девицы, впервые проникшие на такую тусовку, изображали опытных и прожженных светских львиц, «It girls». Стразы прикидывались бриллиантами, а настоящие многокаратные бриллианты подделывались под гламурные стразы от Сваровски. Фальшивые, показные эмоции прикидывались подлинными чувствами, а подлинные чувства всячески маскировались. Впрочем, из подлинных чувств в этом зале были разве что зависть, ненависть и страх разоблачения.

Оглядывая зал, Тина увидела в дальнем углу Леонида.

Он разговаривал с каким-то мужчиной, причем даже издалека было видно, что предмет разговора чрезвычайно волнует обоих.

На подобных тусовках существует неписаное правило: разговор не должен продолжаться больше двух минут. Привет – привет, где был вчера, куда пойдешь завтра, где отдыхал летом, куда собираешься зимой – и все, разошлись, тусовка – не место для долгих разговоров, особенно с малознакомыми людьми.

Но Леонид с незнакомцем все продолжали свой разговор, они явно обсуждали что-то важное.

Вдруг собеседник Леонида опасливо оглянулся – возможно, он почувствовал спиной устремленный на него взгляд Тины или просто огляделся – не подслушивает ли кто-то их тайный разговор.

И тут Тина замерла, ее рот пересох от волнения: широко расставленные блеклые глаза, пепельный ежик волос, странно перекошенный вечной презрительной гримасой рот...

Снова этот человек! Тот, которого она видела утром на показе, за кулисами, в то самое время, когда убили Алису...

Тина бросилась через зал к Леониду.

По пути ее то и дело кто-то окликал, она машинально отвечала на приветствия полужнакомых и вовсе не знакомых людей.

Наконец она пробилась в тот угол, где видела Леонида с загадочным незнакомцем.

Леонид стоял на прежнем месте, неторопливо потягивая коктейль, но рядом с ним никого не было.

– Кто это был? – выпалила Тина, с трудом переведя дыхание.

– Кто? – равнодушно переспросил тот, чуть отступив в сторону. – Взять тебе еще один коктейль?

– Подожди ты со своим коктейлем! – Тина повысила голос. – Кто был этот человек? Тот, с кем ты только что разговаривал?

– Официант, должно быть. – Леонид недовольно поморщился. – Только я с ним вовсе не разговаривал, я только взял у него бокал...

– Прекрати! – На этот раз Тина уже кричала. – Прекрати делать из меня дуру! Я видела...

– Это ты делаешь из себя дуру! – прошипел Леонид. – Какого черта ты кричишь? На нас уже оглядываются! Это неприлично, в конце концов! Ты что, нанюхалась со своей подругой? Это, конечно, твое личное дело, но веди себя прилично!

Тина удивленно уставилась на него. Прежде он никогда не разговаривал с ней так грубо. Правда, и она прежде не кричала на него. И прежде он не врал ей... по крайней мере не врал так явно, так очевидно, как сейчас.

Она пригляделась к Леониду, как будто увидела его впервые.

Толстый, лысый, уверенный в себе тип... такой, как все мужчины в этом клубе. Ну или почти все. И, как все окружающие, он прикидывается не тем, что есть на самом деле.

Он изображает силу, влияние, уверенность в себе – но сквозь все это проглядывает самый настоящий страх.

Тина чуть было не спросила его: «Чего ты боишься?»

Хотя она прекрасно знала, что правилами игры такие прямые, такие откровенные вопросы запрещены. Они просто неприличны.

– Извини... – проговорила она, виновато опустив взгляд, – сама не знаю, что на меня нашло...

– Это ты извини меня, девочка... – проговорил Леонид прежним, мягким и сочувственным, голосом. И сам он был прежний – мягкий, терпеливый, заботливый. – Ну как, хочешь еще один коктейль?

– Ты прекрасно знаешь, что я могу позволить себе только один! Может быть, мы уже поедем? Я устала, а завтра довольно трудный день...

– Еще буквально пять минут, девочка! Мне нужно поздороваться еще с двумя-тремя людьми...

Через полчаса они уже ехали по ночной улице в черном «кайенне».

Тина откинулась на мягком кожаном сиденье, полузакрыв глаза.

Она тоже прикидывалась – прикидывалась спокойной, умиротворенной.

Но перед ее внутренним взором все еще стояло лицо с широко расставленными блеклыми глазами и кривым, словно презрительно усмехающимся ртом...

Маленькая беспомощная девочка пытается выкарабкаться из груды искореженного металла. Она слышит, как откуда-то издалека до нее доносится тревожный истерический звон, и знает, что нужно выбраться наружу, пока этот звон не прекратился, иначе произойдет что-то страшное... она напрягает все свои жалкие детские силы, делает рывок... и выныривает на поверхность сна.

На тумбочке возле кровати захлебывается звоном гламурный будильник из прозрачной розовой пластмассы, который девчонки из агентства подарили на прошлый день рождения.

Тина прихлопнула будильник, как назойливого комара, и сползла с кровати.

Стрелки показывают уже половину десятого, а в одиннадцать начинается фотосессия... Если опоздать на нее, Эльза живьем зажарит. Или сдерет кожу и сделает из нее абажур для настольной лампы. Или боксерские перчатки.

Зарядку приходится сократить до минимума – до жалких десяти минут. Она успевает сделать только пару упражнений на растяжку да еще два йоговских – «березку» и «приветствие солнца». Обычно она занимается гимнастикой полчаса, но сегодня нет времени.

А вот на «водных процедурах» она никогда время не экономит: сначала сильные струи циркулярного душа, потом массаж вспененной, так называемой шампанской, струей, потом – контрастный душ, под конец – обливание ледяной водой...

Из ванной она выходит новым человеком.

Завтрак манекенщицы не отнимает много времени: овощной сок без сахара и консервантов, полстакана обезжиренного творога с зеленью и крошечный кусочек нежирной ветчины, завернутый в прозрачный листик салата. Вес на таком рационе не наберешь, но энергии для рабочего дня достаточно.

Уже в дверях ее настиг телефонный звонок. Дядя Бо всегда звонил только домой. Мобильные телефоны он презирал, как многие признаки неумолимо надвигающегося нового времени, и пользовался ими только в самом крайнем случае.

– Принцесса, как самочувствие? – услышала она родной заботливый голос. – Я звонил тебе вчера, не застал дома.

– Да, я почувствовала себя намного лучше и решила пойти на вечеринку.

Дяде Бо всегда следовало говорить правду, он все равно без труда распознает, что Тина врет. У него на ложь абсолютный слух – вроде абсолютного музыкального слуха, которым обладает далеко не всякий музыкант.

– Принцесса, ведь я же велел тебе лечь в постель!

– Неудобно было отказаться, – ответила Тина чистую правду.

– Это опять этот твой... Леонид? – неприятно осведомился дядя Бо. – Зачем он таскает тебя на всякие сомнительные мероприятия?

Тина улыбнулась, дядя Бо немножко ревнует ее, оттого и ворчит. Она не могла сказать ему все как есть, что у них с Леонидом заключен негласный договор и что он вовсе не является ее любовником. Во всяком случае, пока. Она тут же вспомнила о вчерашней размолвке, о том, как Леонид закричал на нее грубо, как она заметила, что он чего-то боится... Впрочем, возможно, последнее ей просто показалось. Однако существующие отношения с Леной ее пока устраивают, и незачем переходить к другому этапу.

– Ты, Принцесса, конечно, вольна поступать как пожелаешь, но с этим типом, что тебя совершенно не стоит, ты просто тратишь зря время, – мягко сказал дядя Бо. – Впрочем, ты, я так понимаю, торопишься, поговорим об этом позже...

На лестнице сосед запирает дверь.

– Доброе утро, Миша, – ласково сказала Тина, вспомнив, как отвратительно вела себя вчера его жена.

– Привет! – весело ответил он, из чего Тина сделала вывод, что Маши в обозримом пространстве не наблюдается.

К счастью, машина завелась с полоборота, она не попала в пробку, ее не остановил придирчивый гаишник – и благодаря всем этим счастливым случайностям Тина вошла в фотостудию без пяти одиннадцать.

Эльза Михайловна тем не менее что-то недовольно прошипела при ее появлении.

– Наша ээсовка не в духе, – одними губами прошептала Диана, когда Эльза вышла покурить.

– А когда она бывает в духе? – отозвалась Тина, пожав плечами. – Разве что когда увидит собственную фотографию на обложке модного журнала! Представляешь ее в черном бикини, в ээсовской фуражке и в перчатках из человеческой кожи!

– Отвратительное зрелище, – поежилась Диана. – Кстати, о журнале. Ты уже видела?

Она показала Тине на тонкий глянцевый журнальчик, валявшийся на столе.

Всю обложку занимала сделанная крупным планом фотография лица мертвой Алисы Липецкой. Под фотографией шла кричащая надпись кроваво-красными буквами: «Трагическая гибель знаменитой модели! Леденящие душу подробности кошмарного убийства! Эксклюзивный материал нашего корреспондента!»

– Это тот хромоногий подсуетился... – проговорила Тина, не сводя взгляда с фотографии, – как его... Муха...

– Именно – трупная муха! – бросила Диана. – А мухи всегда слетаются на мертвечину... а наша Эльза только рада – выложила журнальчик на самом видном месте!

– Ну как же – получила бесплатную рекламу!

– Девочки, девочки! – На пороге возник как всегда жизнерадостный Серж. – Кто у нас сегодня будет первой?

Тина должна была фотографироваться в самом начале, поэтому Серж оглядел ее лицо придирчивым взглядом, одобрил и ограничился минимальным макияжем.

– Спасибо тебе за лекарство, – прошептала Тина одними губами, – уж не знаю, что это было, но оно даже мертвого на ноги поставит.

Она тут же прикусила язык – ведь бедной Алисе никто и ничто уже не поможет...

Из его заботливых рук она попала в твердые руки ассистента фотографа Иры.

Ира крутила ее, как неодушевленный предмет, ставила то одним боком к свету, то другим, переставляла светоотражающие экраны. Наконец осталась довольна и только тогда вытащила из-за кулис главного героя фотосессии – офисное кресло из хромированных металлических трубок и голубого полупрозрачного пластика.

Сегодняшняя сессия была посвящена рекламе какой-то дорогушей офисной мебели.

Тина с задумчивым видом облокотилась на кресло, и наконец появился сам маэстро – фотограф Артем, долговязый длинноволосый парень с опухшим от пьянства лицом.

– Что у вас со светом? – проныл он, мучительно жмурясь на софит. – Я что, сам должен этим заниматься?

– Темочка, что не так со светом? – переполошилась Ирина. – Я установила экраны...

– Да все не так! Самое главное – с головой у тебя не так! Это, по-твоему, нормальное освещение? Все бликует!

Ирина снова забегала по студии, передвигая софиты и экраны. Наконец Артем соизволил приступить к самой съемке.

Тина превратилась в послушную глину в руках фотографа. Она принимала по его команде самые замысловатые позы, замирала в них, едва не теряя равновесия.

Это было куда тяжелее обычного дефиле, но и платили за такую сессию лучше.

Через полчаса она чувствовала себя как выжатый лимон.

В это время Артем, прервав съемку, завопил:

– Почему посторонние в студии?

Проследив за его взглядом, Тина увидела высунувшуюся из-за дверей характерную физиономию и уныло висящий нос Виктора Мухина – того самого журналиста по кличке Муха, который накануне сфотографировал мертвую Алису.

– Немедленно удалить постороннего! – надрылся Артем.

Ирина бросилась выполнять его распоряжение.

Тина расслабилась, растерла мышцы, одеревеневшие от неудобного положения, и подошла к Диане Марановой, терпеливо ожидавшей своей очереди.

– Что здесь делает эта трупная муха? – проговорила она, наблюдая, как Ирина выпроваживает журналиста из студии.

– Его появление не к добру, – отозвалась Диана, зябко передернув плечами. – Говорят, что Муха заранее чувствует трупный запах...

Наконец Ирина очистила студию от посторонних, и приступили к следующей стадии съемок – на этот раз Диана позировала возле стильного офисного стола из стекла и черного дерева.

Тина устроилась на узком угловом диванчике, чтобы немного отдохнуть.

Она прикрыла глаза, уставшие от яркого света. Перед ними побежали какие-то цветные пятна. Тина обладала удачной способностью на несколько минут отключаться в самых неудобных условиях, это позволяло ей немного отдохнуть между съемками и показами.

Но на этот раз расслабиться не удалось. Едва она выровняла дыхание и начала погружаться в розовую пену легкой дремоты, как ее вытолкнул на поверхность реальности чей-то громкий взволнованный шепот:

– Тина! Муромцева!

Открыв глаза, Тина обернулась на голос.

Из-за дивана выглядывал все тот же журналист Мухин – уныло обвисший нос, маленькие бегающие глазки... Его же только что выгнали из студии. Как он сюда снова пробрался? Вот уж самая настоящая трупная муха! Пролезет в любую щелку!

Мухин заговорщицки мигал Тине обоими глазами, крутил своим длинным носом.

– Что вам нужно? – осведомилась она с плохо скрытой неприязнью.

– Поговорить! – прошептал Мухин, уморительно сморщившись. – Буквально на два слова! Исключительно по делу!

Тина поняла, что пронырливый журналюга хочет выжать все, что можно, из вчерашнего трагического события и что он решил проинтервьюировать ее как свидетеля и близкую знакомую покойной манекенщицы.

– Я не собираюсь давать вам никакого интервью! – отрезала она решительно. – В конце концов, это мерзко – паразитировать на смерти человека!

– Совершенно с вами согласен! – забормотал Мухин, хлопая глазами. – Вот именно – мерзко! Вы нашли самое верное слово! Думаете, Мухин не понимает? Думаете, у Мухина нет представлений о порядочности? Да я и не хочу брать у вас интервью! Даже если вы будете просить, даже если будете настаивать! Я с вами хочу поговорить о вчерашнем, как человек с человеком! Дело в том, что я кое-что видел и хотел сравнить... может быть, вы тоже это заметили...

– Заметила – что?! – переспросила Тина севшим от волнения голосом. В ее памяти снова всплыли вчерашние события и все смутные подозрения, мелькнувшие в тот момент...

– Опять он здесь! – загремел на всю студию голос Артема. – Я что, неясно выразился?! Я что, слишком много прошу?! Мне нужно только, чтобы в студии не было посторонних! Чтобы мне не мешали! Чтобы мне позволили работать! Это что – так много? Или я здесь больше не распоряжаюсь?! Меня здесь больше ни в грош не ставят? Так скажите мне прямо... я никого не держу...

– Сию минуту, Артем! – испуганно выпалила Ирина. – Я его уже выпроводила... только что... ну что же это такое – его вытолкаешь в дверь, а он лезет в окно... Василий Васильевич! Василий Васильевич! Да где вас черти носят?!

В студию вдвинулся обширный живот, обтянутый камуфляжной формой немыслимого размера, за ним, тяжело пыхтя, появился обладатель живота – краснорожий дядька лет шестидесяти, судя по замашкам – отставной прапорщик, выполняющий несложные функции охранника.

– Василий Васильевич, выпроводите этого человека, и чтобы он больше никогда, вы слышите – никогда здесь не появлялся!

– А я что? Я ничего! Я понимаю! Вы меня знаете! Так точно! Будет исполнено! – пропыхтел охранник, выпучив глаза. – Это такой человек! Я его туда, а он обратно!

– Так вот чтобы больше никаких «обратно»! – припечтала Ирина. – Или вы здесь больше не работаете!

– Так точно! Будет исполнено! Вы меня знаете! Я всегда как штык! Я никогда! Мимо меня даже муха!..

Василий Васильевич неторопливо двинулся к Мухину. Журналист с неожиданной ловкостью отпрыгнул к двери и заверещал, как пойманный на базаре карманник:

– Что за насилие! Что за порядки! Никакого уважения к свободной прессе!

– Я тебе щас покажу свободную, блин, прессу! – пропыхтел Василий Васильевич и медленно двинулся на журналиста, колыша многопудовым животом. Несмотря на внешнюю суровость, он не очень спешил с расправой – Мухин наверняка успел подмазать отставника.

– Все, я уже ушел! Меня уже нет! – верещал журналист и в то же время посылал Тине сигналы глазами, носом и остальными выразительными частями своего характерного лица. Всеми доступными ему способами он давал ей понять, что будет поджидать ее снаружи.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.